

МЕРА МЕСТИ. ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА.

Григорий Гаврилов

Мера мести. Цена предательства

«Автор»

2026

Гаврилов Г.

Мера мести. Цена предательства / Г. Гаврилов — «Автор», 2026

Психологическая драма о распаде внешне благополучной семьи. История рассказывает о Георгии и Анне, чья идеальная на первый взгляд жизнь начинает рушиться под тяжестью недосказанности и измен. В центре повествования — постепенное разрушение отношений между супругами через призму повседневных мелочей. Дети первыми замечают изменения в поведении матери, но никто не решается открыто поговорить о надвигающейся беде. Показано, как маленькая ложь порождает большую, как мелкие недоговорённости перерастают в непреодолимую пропасть между близкими людьми. Через бытовые детали и диалоги раскрывается внутренний мир героев, их страхи и переживания. Роман исследует цену семейного счастья, важность искренности в отношениях. Особенно остро ставится вопрос влияния родительских проблем на детей и возможности сохранения любви в сложных ситуациях. Произведение затрагивает вечные темы предательства и искупления, показывая, как даже самая крепкая семья может рассыпаться под тяжестью лжи и измены.

© Гаврилов Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мера мести. Цена предательства

Глава

Григорий Гаврилов

Мера мести. Цена предательства

Моей дорогой жене с благодарностью за любовь и верность

Оглавление:

Глава 1. Идеальный пазл

Глава 2. Трещина 4

Глава 3. Признание 7

Глава 4. Пустота по расписанию. Первая неделя. 11

Глава 5. Голос из прошлого 14

Глава 6. Тени в Сети 18

Глава 7. Холодный расчет 22

Глава 8. Первый шаг навстречу 25

Глава 9. Точка равновесия 28

Глава 10. Тихие победы 31

Глава 11. Горький осадок 35

Глава 12. Цена правды 37

Глава 13. Тихие опоры 40

Глава 14. Новый рисунок 43

Глава 1. Идеальный пазл

Утро в квартире на седьмом этаже начиналось не с будильника, а с запаха кофе и тихого, привычного скрипа половицы в коридоре — той самой, которую Георгий всё собирался подправить, но каждый раз откладывал: этот звук стал для него чем-то вроде домашнего маячка. Он обычно просыпался за десять минут до сигнала будильника, чтобы не тревожить Марину, и первые минуты лежал, прислушиваясь к её дыханию. Она спала, уткнувшись носом в подушку, слегка приоткрыв рот, и на её лице ещё держалась ночная мягкость — та редкая безмятежность, которую днём сменяла ставшая привычной для нее взвинченность.

Георгий смотрел на неё и улыбался уголком губ. Он любил эти минуты тишины, когда дом ещё не проснулся, и можно было просто быть — без планов, без дедлайнов, без необходимости что-то доказывать. Потом он осторожно вставал, натягивал старый любимый свитер, тот самый, который Анна называла «вещью из прошлой жизни», и который он упорно не выбрасывал, потому что в нём было удобно и спокойно, как будто его согревали воспоминания, которые пропитали его за прошедшие годы.

Кухня встречала его тишиной и холодом плитки под ногами. Он ставил турку на плиту, слушал, как кипит вода, и смотрел в окно на просыпающийся город — серые многоэтажки, редкие огоньки в чужих окнах, первые машины, ползущие по проспекту. В такие минуты ему казалось, что все недостатки мира ещё можно исправить, если делать всё правильно и не торопиться.

Анна просыпалась ровно в 7:17 — он знал это по многолетней привычке. Сначала она долго потягивалась, потом резко садилась на кровати, будто её что-то подталкивало, и сразу

начинала бормотать себе под нос: то ли список дел, то ли упрёки, то ли просто мысли вслух. Сегодня она вышла на кухню с влажными после умывания волосами и недовольным лицом.

— Опять ты кофе без корицы сварил, — сказала она, не здороваясь, и потянулась к баночке со специями.

— Я же просила, чуть-чуть, на кончике ложки. Без неё он какой-то... безликий.

Георгий только кивнул, привычно не споря. Он знал, что спорить бесполезно: Анна могла десять раз менять свои предпочтения в течение дня, и то, что утром казалось «безликим», к обеду могло стать «слишком пряным».

— Прости, — спокойно сказал он, наливая ей кофе в любимую чашку.

— В следующий раз добавлю.

Она взяла чашку, сделала глоток и тут же поморщилась:

— Слишком крепкий. Ты опять переборщил с количеством кофе.

Он снова кивнул. Спорить не хотелось. Да и зачем? Это была её маленькая игра — находить поводы для упрёков, чтобы почувствовать, что она всё ещё здесь, что её замечают. Георгий давно понял это и научился пропускать мимо ушей.

— Я сейчас быстро соберусь, — продолжала она, уже переключаясь на другую волну.

— Сегодня у меня маникюр, потом встреча с подругой, а вечером... не знаю, может, сходим куда-нибудь? Или просто дома посидим?

Её голос звучал легко, почти беззаботно, но в нём уже чувствовалась привычная нервозность — как будто она боялась, что если не заполнит день делами, то он станет слишком пустым. Без движухи, как она любила говорить.

Георгий улыбнулся:

— Как хочешь. Я сегодня допоздна, проект горит. Но если хочешь, можем заказать пиццу и посмотреть что-нибудь интересное по телику.

Анна на секунду замерла, будто обдумывая предложение, потом махнула рукой:

— Ладно, посмотрим. Может, я вообще никуда не пойду. Вдруг настроение будет другое. И ушла в ванную, оставив после себя лёгкий шлейф духов — сладких, чуть приторных, которые он когда-то подарил ей на годовщину, а теперь они казались ему слишком резкими.

Пока она собиралась, Георгий навёл порядок на кухне: вытер стол, аккуратно расставил тарелки, проверил, не осталось ли крошек. Анна очень сердилась, если находила хотя бы одну крошку на столе или даже на полу. Он делал это машинально, не задумываясь, — просто потому, что сам не выносил беспорядка. Для него порядок был чем-то вроде внутреннего стержня. Если на столе все на своих местах, значит, и в голове всё на своих местах.

Дети, Лиза и Артём, проснулись позже, когда Анна уже была готова к выходу. Она стояла перед зеркалом в коридоре, поправляя шарф, и внимательно разглядывала своё отражение. На ней было пальто цвета пыльной розы, туфли на каблучке, которые она купила «просто так, может для чего-то подойдут», и аккуратный макияж — стрелки, румяна, помада оттенка «розовое дерево». Она любила выглядеть безупречно, даже если весь день планировала провести дома.

— Мам, а ты куда? — спросил Артём, потирая сонные глаза.

— Да так, никуда, — ответила она, не отрываясь от зеркала. — Просто выйду на минутку. А потом вернусь. Или не вернусь. Посмотрим.

Лиза, более наблюдательная, подошла ближе и тихо спросила:

— Ты опять будешь ругать папу ни за что?

Анна резко повернулась, будто её застали врасплох:

— Что ты имеешь в виду? Я не ругаюсь. Просто... я требовательная. Это нормально.

Девочка пожала плечами и отошла, не став спорить. Она уже привыкла к этим перепадам настроения матери и научилась держаться на расстоянии, когда мама была «не в духе».

Георгий, стоявший в дверях кухни, молча наблюдал за этой сценой. Он не вмешивался — не хотел накалять обстановку. Вместо этого он подошёл к детям, присел на корточки и сказал ласково:

— Сегодня после школы пойдём в парк. Если погода будет хорошая, конечно. Или, если хотите, закажем пиццу и устроим домашний кинотеатр. Что вам больше нравится?

Артём тут же оживился:

Кинотеатр! С попкорном!

Лиза сдержанно улыбнулась:

— Можно и в парк. Там утки, они прикольные, покормим их хлебными крошками.

Георгий кивнул:

— Значит договорились, решим по погоде. А сейчас — завтрак. Кто хочет омлет?

Пока он взбивал яйца с молоком, Анна наконец вышла из ванной, взяла сумку и остановилась у двери:

— Я скоро вернусь, — бросила она, не глядя на мужа. — Не знаю точно когда.

Дверь хлопнула, и в квартире стало тише. Дети сели за стол, Георгий поставил перед ними тарелки, а сам на секунду замер, прислушиваясь к этой тишине. Она была не пустой —

в ней слышались отголоски утренних слов, невысказанных обид и тех самых трещин, которые появились незаметно, но в последнее время становились всё глубже.

После завтрака Георгий собирал детей в школу. Помог Лизе заплести косички, а Артёму — найти потерявшийся учебник. Потом он проводил их до лифта, помахал рукой и вернулся в квартиру. Теперь здесь было по-настоящему тихо — так тихо, что слышно было, как тикают часы на стене и как гудит холодильник. Он сел на диван, взял в руки чашку остывшего кофе и задумался. Раньше он думал, что их жизнь похожа на идеально собранный пазл — каждая деталь на своём месте, цвета совпадают, контуры стыкуются. Но в последнее время всё чаще ему казалось, что что-то не так. Будто одна деталь была чуть-чуть не той формы — настолько незначительно, что это почти не заметно, но при внимательном рассмотрении становилось ясно: она не вписывается в рисунок до конца. И именно эта деталь создавала напряжение, которое чувствовалось в воздухе, в интонациях, в неловких паузах.

Георгий не мог точно сказать, когда это началось. Может, год назад, когда Анна стала чаще жаловаться на усталость. Или два года назад, когда она вдруг решила, что их квартира «слишком маленькая и скучная» «и вообще похожа на гадюшник», и начала менять интерьер, не спрашивая его мнения. Или ещё раньше, когда они перестали разговаривать по вечерам, из-за того Анна стала проводить вечера, что-то печатая в телефоне, требуя ее не отвлекать.

Он допил кофе, поставил чашку на стол и встал. Нужно было собираться на работу. Его ждала очередная серия чертежей, расчётов и совещаний — всё то, что он умел делать хорошо и что давало ему ощущение контроля над его делом. В отличие от семейной жизни, где контроль, казалось, ускользал сквозь пальцы.

На работе день тянулся привычно: звонки, письма, обсуждения, правки. Георгий погружался в задачи с головой, стараясь не думать о том, что дома его ждёт не тишина, а напряжённое ожидание — ожидание того, что Анна снова найдёт повод для упрёка, снова скажет что-то резкое, снова посмотрит на него так, будто он сделал что-то не так, хотя сам не понимал, что именно. К вечеру он уставал не столько от работы, сколько от этого постоянного внутреннего напряжения — от необходимости быть спокойным, рассудительным, понимающим. От необходимости не реагировать на мелочи, которые на самом деле были не такими уж и мелочами. Когда он вернулся домой, Марины еще не было дома. Дети сидели в гостиной, смотрели мультики и ели печенье. На столе лежала записка: «Ушла по делам. Скоро буду. М.»

Георгий вздохнул, снял куртку и сел рядом с детьми.

— Ну что, — сказал он, стараясь говорить бодро. — Как насчет пиццы? Или пельмешек сварить?

Артём тут же выбрал пиццу, Лиза пожала плечами:

— Мама пирог обещала испечь. Но раз его нет, мне все равно.

Они поужинали, посмотрели ещё одну серию мультфильма, потом Георгий помог им с уроками — с математикой у Артёма и с сочинением у Лизы. Потом они вместе убрали квартиру, и дети легли спать. Георгий посидел с ними, пока они не уснули, поцеловал каждого в лоб и вышел в коридор.

Анна вернулась ближе к полуночи. Он услышал, как щёлкнул замок, как она тихо вошла, сняла пальто, поставила сумку. Потом прошла на кухню, включила свет и замерла, увидев его, сидящего за столом с чашкой чая.

— Ты ещё не спишь? — спросила она, будто это было чем-то удивительным.

— Ждал, — просто ответил он.

Она села напротив, положила руки на стол и вдруг сказала:

— Прости. Я сегодня была... сама не своя. То одно не так, то другое. Сама не понимаю, что со мной.

Георгий посмотрел на неё — на её уставшее лицо, на слегка размазанную тушь, на чётко подрагивающие красивые пальцы и почувствовал, как напряжение, копившееся весь день, немного отступило.

— Ничего, — тихо сказал он. — Мы все бываем не в духе.

Она кивнула, опустила глаза и тихо прошептала:

— Спасибо, что терпишь.

Георгий не ответил. Просто протянул руку и накрыл её пальцы своей ладонью. И в этот момент ему показалось, что пазл, который весь день казался ему чуть-чуть неправильным, наконец-то сложился. Пусть ненадолго. Пусть только на эту минуту. Но этого было достаточно.

Глава 2. Трещина

Трещина не появляется сразу — она рождается в тишине, в том самом промежутке между словами, когда человек ещё не сказал ничего плохого, но уже не может сказать ничего настоящего, правдивого. В квартире Андрея и Марины эта тишина стала гуще, будто воздух напитался ожиданием чего-то неизбежного. И каждый из них по-своему пытался её не замечать. Анна задерживалась всё чаще. Сначала на двадцать минут, потом на час, потом на два. «Советование», «подготовка к конференции», «встреча с коллегами» — эти фразы она произносила теперь так ровно, так гладко, словно отрепетировала их перед зеркалом, пока красила губы в оттенок «розовое дерево». Георгий не спрашивал. Он вообще старался не задавать вопросов, которые могли бы потребовать от неё искреннего ответа. Он знал: если начать тянуть за нитку, может распуститься весь свитер их привычной жизни.

Но детали он замечал. Она перестала оставлять записки на холодильнике — те самые короткие «Вернусь к семи» или «Купи хлеба», которые раньше казались ему мелочью, а теперь стали недостающим звеном. Она начала отвечать на его вопросы односложно: «Да», «Нет», «Не знаю». А когда он пытался завести разговор о планах на выходные, отводила взгляд и говорила: «Давай позже, я сейчас не в ресурсе». Это новое слово — «не в ресурсе» — резало его ухо, будто пришло из чужого языка, из мира, где чувства измеряются не болью и радостью, а зарядом батареи. Сын Артём заметил это первым. Он не умел облекать свои наблюдения в сложные фразы, но чувствовал всем своим одиннадцатилетним существом, что дом стал другим. Однажды вечером, когда Анна вернулась позже обычного, он подошёл к ней, не глядя в глаза, и тихо сказал:

— Мам, ты какая-то... не такая. Будто ты здесь, но мыслями где-то в другом месте.

Анна замерла на секунду, будто слова сына ударили её не по ушам, а по живому нерву. Она хотела привычно отмахнуться, сказать что-то лёгкое, что-то, что не потребует объяснений. Но не нашлась что ответить.

— Просто устала, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Лиза, стоявшая в дверях кухни, неожиданно тихо добавила:

— Усталость пахнет кофе и бумагами, а ты пахнешь... тревогой, что ли. Девочки вообще тоньше чувствуют, чем ребята, а Лиза обладала еще умением облечь точно свои мысли в слова.

Анна вздрогнула, будто её поймали на чём-то запретном. На секунду ей показалось, что дочь видит не только её макияж, не только пальто цвета пыльной розы, не только идеально уложенные волосы — а саму её, ту, что прячется за всем этим. Ту, которая сама не знает, чего хочет.

— Девочки не должны быть такими наблюдательными, — попыталась пошутить Анна, но шутка повисла в воздухе, как неудачная рифма, которую никто не захотел дописывать.

Георгий молчал. Он стоял у окна, глядя, как за стеклом медленно опускается вечер, и думал о том, как странно устроена человеческая психика: мы можем просчитать нагрузку на сталеплавильную конструкцию, предсказать, где появится трещина под давлением, но не можем понять, почему самый близкий человек вдруг становится чужим. Он привык анализировать данные, искать закономерности, но здесь не было цифр, только ощущения. И эти ощущения ему не нравились.

В тот вечер, когда дети уже уснули и квартира погрузилась в ту особенную тишину, которая бывает только после того, как стихнут все голоса, Анна сидела на кухне, обхватив ладонями чашку остывшего чая. Георгий вошёл тихо, не желая нарушать эту хрупкую границу между ними, но и не в силах оставаться в другой комнате.

— Ты не хочешь поговорить? — спросил он, не подходя близко, будто боялся спугнуть её, как дикое животное.

Анна покачала головой, не поднимая глаз:

— Не сейчас. Просто... мне нужно немного времени.

Он кивнул, хотя внутри всё сжималось от этого «не сейчас». Ему хотелось сказать: «Время уходит. Мы теряем его каждый день». Но он промолчал. Вместо этого он сел напротив, положил руки на стол и тихо произнёс:

— Я здесь. Если когда-нибудь захочешь рассказать — я здесь.

Она наконец подняла глаза, и в них он увидел не раздражение, не усталость, а что-то похожее на стыд.

— Спасибо, — прошептала она. — Прости, что я такая... сложная. Так трудно искать путь к себе.

Он хотел сказать, что она не сложная, что она просто устала, что всё наладится. Но вместо этого он просто кивнул. Иногда кивок значит больше, чем любые слова.

Когда она ушла в спальню и закрыла за собой дверь, Георгий остался сидеть на кухне. Он смотрел на пустую чашку, на тень от лампы на стене, на тонкую полоску света из коридора — и думал о том, что трещина становится заметной тогда, когда через неё начинает просачиваться холод.

Анна лежала в темноте, прислушиваясь к Андрею в соседней комнате. Она знала, что он что он тоже думает о ней, о них, о том, что происходит. И от этого ей становилось ещё тяжелее.

Е

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.